

Я играю за Россию

Известному писателю на днях исполнилось 75.

Поверить в это довольно трудно. Да и он сам эту дату, обычно навевающую раздумья о некоем подведении итогов, рассматривает со свойственной ему иронией, хотя и не без грусти. Он по-прежнему работает "много и ежегодно", сочиняя новые книги с невероятными персонажами, которые, несмотря на свою фантомность, удивительно быстро становятся участниками нашей жизни. И куда бы ни улетал автор со своими "питомцами", какие бы интриги ни сочинял, все его книги о нас, только о нас, увиденных человеком, биография которого своими сюжетными поворотами сама напоминает лихой боевик. За свою жизнь Владимир Кунин побывал и военным летчиком, и спортсменом, и артистом цирка, и водителем такси, и журналистом — когда после серьезной травмы ему пришлось оставить манеж. Потом в его жизни наступила эпоха кинематографа, которому он отдал десятки лет.

Я встретила с Владимиром КУНИНЫМ в Мюнхене, где он живет уже много лет, накануне его отъезда в Петербург, куда писатель увозил рукопись новой книги "Ночь с ангелом". Владимир Владимирович любезно согласился дать интервью нашей газете, в которой, как оказалось, на заре своей журналистской юности работал "разъездным" спецкором... Разговор мы начали с "Интердевочки".

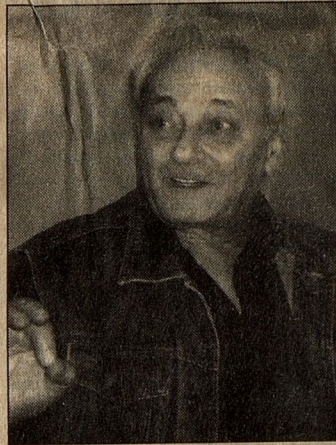
— Вы предполагали, что созданный вами героиня станет новым символом России? И что после выхода картины на экран школьницы в сочинениях будут писать о страстном желании стать проститутками? Вы могли просчитать подобный эффект?

— Конечно, нет! Я же недаром придумал трагический конец истории. И никогда не мог предположить, что такое окажется заманчивым для кого бы то ни было. Разумеется, сейчас я написал бы эту книгу иначе. Но тогда она была первой...

— В начале девяностых, после

распада Союза, многие ринулись на завоевание мира или просто эмигрировали в надежде обрести лучшую участь. Ваш случай особый — отъезд в Германию был связан с тяжелой болезнью жены, которую невозможно было вылечить дома: не было лекарств, необходимых при химиотерапии...

— Да, и толчок произошел в очень тяжелый момент, когда все распалось... Сейчас, может быть, этого бы и не произошло. Но тогда это была единственная возможность ее спасти.

В.Кунин

Меня поддержали издатели, публиковавшие мои книги, и благодаря этому я получил в Германии постоянную визу для проживания. Никакого отношения к эмиграции это не имело. Я был членом Союза по охране авторских прав Баварии, где много издавался. Союз меня опекал как коллегу, помогая получать гонорары за книги и за картины, идущие по телевидению. За что я им безумно благодарен. Мой мюнхенский издатель продал "Интердевочку" в 17 стран мира. Появились деньги. Большую часть своей жизни я провел в домах творчества, в Болшево, в Репино, занимаясь писанием. Я привык уезжать из дому от звонков и суеты. Поэтому и здесь мы сняли квартиру на озере под Мюнхеном, где я закончил "Иванова и Рабиновича".

Впрочем, читателям этой "сказки для кино и отъезжающих" вся история известна... На эту книгу у меня оказалась масса договоров, кто только не хотел ее экранизировать. Немцы и израиль-

ла необходима постоянная помощь немецких врачей.

— Десять лет назад наступило время перемещений. Каждый начал сам решать свою судьбу — спасаться или рисковать, желая изменить ход событий. За своей мечтой к земле обетованной уплывали по морям и океанам, по вашей авторской воле, и ваши герои — Иванов и Рабинович. Если судить по этой книге, вы к тому же еще и опытный яхтсмен?

— Я никогда в жизни не ходил на яхте, стоял на ее палубе лишь однажды — просто так. Но мне нужно было пустить моих героев в плавание. Навигацию я знал только как военный летчик, и если не сделал ни одной ошибки, то лишь потому, что Ирин отец, Виктор Алексеевич Горский, штурман дальнего плавания, подарил мне удивительную книгу по вождению малых судов в открытом море. И, конечно, очень помогали советами яхтсмены-международники, которым я задавал самые idiotские, с их точки зрения, вопросы, чтобы "грамотно" свергнуть моих героев в немислимые передрыги. Зато на презентации книги два бывалых яхтсмана моего возраста спрашивали друг друга: "Слушай, а это не тот Кунин, который в 52-м году гонялся с нами на итальянской регате?" Ох, как я загордился!

— А каким образом у вас возникают сюжеты?

— Отвечу так: прелестно, элегантно и абсолютно случайным образом. Так было и с сюжетом "Иванова и Рабиновича". Впрочем, читателям этой "сказки для кино и отъезжающих" вся история известна... На эту книгу у меня оказалась масса договоров, кто только не хотел ее экранизировать. Немцы и израиль-

ские фирмы, русские банки — все внезапно восплали страстной любовью к моему сюжету. Но как-то все улетело в песок... А потом я вдруг понял, что поезд ушел. Сама тема эмиграции перестала быть интересной. Да и из сюжета практически вышел воздух. Я вообще-то очень устал от кино — столько было разочарований... Из моря сценариев по-настоящему хороших картин случилось, на мой взгляд, только пять. Среди них — "Хроники пикирующего бомбардировщика" с Олегом Далем и "Ребро Адама" с Инной Чуриковой. Но реализация сценариев — такая мучительная штука, что мне давно уже не хочется этим заниматься. И потому я сейчас пишу только книги.

— А как родился "Кыся"? Персонаж, который должен был поначалу повествовать историю нашей эмиграции глазами собаки, если не ошибаюсь, а потом каким-то странным образом перевоплотился в кота?

— За это я должен поклониться моей Ире. Как-то мы стали с женой рассуждать о том, какой могла бы быть моя следующая книжка. И тут мне пришла в голову идея: написать роман от имени собаки, совершенно случайно оказавшейся в эмиграции. На что Ира мне возразила: "А почему пса? У тебя никогда не было собаки. Лучше вспомни нашего кота Мартына — о нем-то ты знаешь все, и уж это была на самом деле удивительная личность!"

Мартын был совершеннейшая дворняга, бойцовый кот, а попросту хам и ужасный тип. И я с большим удовольствием описал Мартына и его душевное состояние в "Кысе".

— Ваш принцип — "знать в десять раз больше, чем понадобится"

ся, чтобы потом легко фантазировать на любую тему" — каким образом он отразился в "Кысе"?

— Там не обошлось без фантазий, но они были серьезно подкреплены специальными знаниями. Не только знанием моего Мартына, но и наблюдениями серьезных специалистов: Конрада Лоренца, знаменитого австрийского натуралиста, который описал не только поведение кошек и собак, но и подробнейшим образом — выражения их морд в зависимости от настроения, и английского биолога Ричарда Шелдрейса, доказавшего, что кошки могут вступать в телепатический контакт с людьми, внушая им свои желания. Но для рождения героя, мне думается, прежде всего нужна все-таки достаточно сильная личность самого кота. Вот, опираясь на личность Мартына и труды серьезных ученых, я и сотворил "Кысю".

— Среди книг, написанных после "Кыси", одна из самых для меня интересных — "Мика и Альфред" — детективный боевик из жизни домового и киллера. В этой повести очень много от вас: вы не просто создаете фантастический, иллюзорный сюжет, но и возвращаетесь в собственное прошлое. Там так много авторских отступлений... А вот школа малолетних диверсантов, созданная в годы войны, — это ваша выдумка?

— В этой книге ужасно много фантазии, но такая школа действительно была. Хотя сама книга представляет собою детские мечты взрослого человека. Детство предполагает мечту о своем всемогуществе. Такая вот неистребимая мечта и породила эту книгу, замешенную на моей боли, воспоминаниях и на любви к

целому ряду людей. Прежде всего — к моему отцу, который был одним из первых русских летчиков и кавалером трех георгиевских крестов. Кстати, история с князем Лерхе, нашедшим меня через годы, там описана подлинная.

— В этой книге ваша душа со многим не может смириться. Вы откровенно говорите о трагедии поколения ваших сверстников-кинематографистов, оказавшихся, несмотря на все их достижения и умения, в отчаянно униженном и беспросветном положении и нашим временем переживаемых и истребленных...

— Вы правы, но потому что здесь детская мечта перевоплощается в мечту взрослого человека — спасти, уберечь любой ценой. Для чего необходимо остров, где можно было бы приютить всех...

Но остров в океане можно купить только за сумасшедшие деньги, а сумасшедшие деньги в наши дни можно заработать лишь страшным путем. В данном случае — заказным убийством, что мой герой и предельно делает.

— Больше десяти лет вы здесь. Судьба подарила вам возможность жить, перемещаясь в пространстве, такой какой-то у вас получается настоящий цирк на колесах, вы побывали везде... И нашего человека на randevu с Западом вы наблюдали по всему свету... Есть какое-то целостное ощущение от всего виденного вами?

— Есть. Даже самые удачливые люди, попавшие в эмиграцию, несчастливцы. Ведь эмиграция — это практически разрушение. Только какая-то часть из них, ученые, например, потому что они здесь могут

заниматься наукой, которой они не могли уже заниматься в России, реализованы профессионально. Но основной процент уехавших, с моей точки зрения, разрушен. Отсюда это неумное, беспардонное преувеличение своих прежних заслуг. Все генералы, все директора, профессора и народные артисты. И в то же время не поддается рука осуждать их или иронизировать в их адрес. Конечно, эмиграция — это разрушение личности, потому как разрушается целый ряд привычек, выработанных жизнью. А новые — не свои. В основном уезжали люди, сложившиеся на нашей территории. Они здесь теряют все, и наружу начинают вылезать их отрицательные качества, которые прежде отнюдь не преобладали над их сущностью. Потому они становятся в новых обстоятельствах очень несимпатичными. Но я не хотел бы ни в кого бросать камень, ибо это защита, защита от внутренне осознаваемой униженности.

— Вам, наверное, журналисты часто задают такой вопрос: "Почему вы — русский писатель — живете в Германии?"

— Поначалу я напрягался, объясняя, теперь говорю коротко: "Мюнхен — это мой последний дом творчества".

300 российских хоккеистов играют в зарубежных командах. Считаю, что я еще играю за Россию.

Беседу вел Александр ТУРГАН

Фото автора
Мюнхен — Берлин

По сообщениям корреспондентов "Культуры" и ИТАР-ТАСС